

АЛЕКСАНДРУ СОКОЛОВУ,
ЛЁТЧИКУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Седой «диджей» поставит свой «олд-голд» –
Не соскочить с иглы воспоминаний...
О, эти борозды в сознание стариков!
Я буду плыть, влекомый отстранённым
И всё же столь пронзительным прозреньем,
И чувствовать, как тащит без вина.
Война, война!
Штурвал и это небо,
Клокочущее, словно рок-н-ролл.

...Старик, мы оба станем частью неба.
Ты знаешь, я увлёкся дзен-буддизмом.
Тебе, я знаю, скоро в дальний путь...
Но что такое «смерть», мой сталкер?! –
Её разоблачил твой бомбовоз.
В квадрат окна глядит хмельное небо, –
Его так много...
 так безумно много!
Но чтоб ступить на землю, нужен лифт.

Весна... Пронзительная ясность.
Я тоже не живу сегодня.
Такое русское, по сути, ощущение, –
Хотя о нём же говорил и Джими Хендрикс.
Его гитару, может быть, услышишь
Ты, –
 но уже «не здесь»...

Моль старости потратила твой сон, –
Но и стихи, увы, не состоялись...
Хотя, как в старой песенке французской:
«За пять минут до смерти он был жив.»

И вскоре впрямь я буду потрясён
Строками несколькими в серенькой газете,
О том, что лгать нет смысла у порога
И в этот путь уходят налегке.

И вдруг пронзит: «Нет, ты не графоман!
Ты был поэтом и тогда, над Гиндукушем,
В сорок втором, иль может, в сорок третьем,
Когда казался бомбовоз былинкой,
Затерянной в бескрайнем море гор.»

Спокойствие, граничащее с бездной!
Пред ним устав пасует, и присяга...
Но что-то светлое проглядывало в нём.

Возможно, я подослан Провиденьем.
Хотя, инкубы дразнят «фетишистом».
Мне кажется, что этот город умер, –
Но я не глуп, чтоб возлелеять страх.
Мы не умрём, старик!

** Стихотворение – памяти Александра Соколова, бийчанина, участника ВОВ, лётчика и поэта.*

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

Л. Ситникову

Он умер нелепо в морозы.
Труп найден в подвале котельной –
безгрешность мдаденческой позы,
потёртость фуфайки нательной.
Он был не последним поэтом,
талантливый тихий старатель.
Стихи его нынешним летом
принёс почитать мне приятель.
Извечные темы России
(Есенина явно влиянье!) –
но чистые, светлые силы
в душе будят те излишня.
Он спился, как многие сотни,
добрейший чуть грустный кутила, –
таких уязвимых охотней
берёт молодыми могила.
...Приятель собрал те тетрадки,
где маты убрал, где подправил –
и вот с пояснением кратким
в большую газету отправил.
Но тщетен был путь их, столь дальний –
не тем пробавлялась газета.
Приятель – ко мне. Взор печальный:
– На, парень,
и помни поэта!

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МОЙ СТИХ...

Несостоявшийся мой стих,
непроявившаяся жизнь.
Бессильно голос мой затих,
упав в недобрую полынь.
Незатухающая боль –
и вдруг притянутый конец!
“Ты лжёшь!” –
читатель скажет мой, –
пускаешь дымный ряд колец.
Эк, выдал губы буквой “О” –
кого надуть хотел ты им?!”
...Сказать, что вечно не везло?
Сказать, что жизнь сама как дым?

СНОВА ПРИЗРАЧНЫЙ ВОКЗАЛ...

...Снова призрачный вокзал;
лиц весёлых беспощадность
и нагая безотрадность
вновь бросается в глаза.

Ночью здесь особый дух,
неприкаянный и дерзкий
и пугают смехом резким
девки с лицами старух.

Вот светящийся ларёк:
сахарок, буханка хлеба.
Отоварился, и Небо
превращает ад в раёк.